

ПРЕПОДОБНЫЕ СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ И СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

(По поводу книги Б. Зайцева и книги В. Ильина).

Человѣчество вступило въ періодъ соціального, политическаго и, что всего страшнѣе, нравственнаго кризиса, превосходящаго по своей интенсивности все, что было когда либо пережито на землѣ. Чтобы не потеряться въ вихрѣ сего, что-бы не впасть въ этическій скептицизмъ или, столь же губительный, этическій и вообще аксіологическій релятивизмъ, нужно имѣть передъ своими глазами живые образы героевъ духа, боровшихся за абсолютныя цѣнности и воплощавшихъ ихъ въ своей жизни. Могучая сила, оздоравливающая душу, таится въ біографіяхъ великихъ людей, — соціальныхъ реформаторовъ, искателей научной истины, творцовъ прекрасныхъ образовъ. Однако, всѣ эти подвижники духа, какъ бы ни были велики ихъ заслуги, не воплощаютъ въ себѣ предѣльнаго совершенства, доступнаго человѣку: они углубляютъ лишь ту или другую сторону духовности. Только тѣ носители духа, которые цѣлью своей жизни поставили устремленіе къ самому осуществленному идеалу Добра, къ самому Богу, даютъ образъ всесторонняго совершенства — воли, чувства, ума и зачинающагося уже на землѣ преображенія тѣлесности. Какъ живые прообразы *цѣлости духа*, они болѣе, чѣмъ всѣ другіе носители духовной жизни, способны привлекать массы людей на путь служенія добру. Поэтому нельзя не радоваться появленію такихъ книгъ, какъ «Преподобный Сергій Радонежскій» Б. Зайцева и «Преподобный Серафимъ Саровскій» В. Н. Ильина.

Одновременно появленіе этихъ двухъ книгъ чрезвычайно удачно и цѣлесообразно. Намъ, далекимъ отъ идеальнаго служенія міру и Богу, царство святости ка-

жется подчасъ утомительно однообразнымъ, одноцвѣтнымъ. Между тѣмъ, стоитъ только всмотрѣться въ два обрисованные въ этихъ книгахъ образа, и разъ навсегда станетъ понятно, что царство добра блистаетъ безконечно разнообразными красками и полно индивидуальныхъ различій. Св. Сергій Радонежскій есть воплощеніе добра, служащаго идеаломъ русской *общественности* и государственности. Серафимъ Саровскій есть неизсякаемый источникъ теплой, интимной ласки въ *индивидуальныхъ* отношеніяхъ къ людямъ. Св. Сергій находится подъ какимъ то особымъ покровительствомъ Бога, какъ Троицкаго, а св. Серафимъ удостоивается какого то особаго покровительства Богоматери.

О дѣвственникѣ Серафимѣ Богоматерь говоритъ, являясь ему въ видѣніяхъ и исцѣляя его отъ болѣзней: «этотъ — нашего рода». И въ самомъ дѣлѣ, подобно Богоматери, какою ее изображаютъ всѣ легенды, Серафимъ Саровскій, по крайней мѣрѣ въ послѣдній періодъ своей жизни, видитъ въ каждомъ человѣкѣ образъ Божій и потому каждаго входящаго къ нему, встрѣчаетъ словами «радость моя», выражая этимъ дѣйствительное настроеніе свое, свою «радость о Господѣ», порожденную подлинною христіанскою любовью ко всѣмъ существамъ. Свой взглядъ на радостное настроеніе онъ выражаетъ одной послушницѣ слѣдующими словами: «Веселость — не грѣхъ, матушка, она отгоняетъ усталость, а отъ усталости, вѣдь, уныніе бываетъ, и хуже его нѣтъ. Вотъ и я, какъ поступилъ въ монастырь-то, матушка, на клиросѣ тоже былъ и такой веселый-то былъ, радость моя; бывало, не приду на клиросъ-то, братья устанутъ,

ну и уныніе нападетъ на нихъ, и поють то уже не такъ, а иные и вовсе не придуть. Вѣдь дурное что говорить ли, дѣлать ли — не хорошо, и въ храмѣ Божіемъ не подоѣаетъ, а сказать слово ласковое, привѣтливое, да веселое, чтобъ у всѣхъ передъ лицомъ Господа духъ всегда веселъ, а не уныль былъ — вовсе не грѣшно, матушка...» (стр. 210).

Приближеніе къ людямъ св. Серафима въ періодъ его старчества, т. е. дѣятельнаго служенія ближнимъ въ послѣдніе семь лѣтъ его жизни, характеризуется, по словамъ Ильина, слѣдующею чертой, которая отличаетъ его отъ свѣтскаго учительства: «Всякій приходящій видѣлъ и чувствовалъ въ немъ не общее мѣсто святости, не благочестивую пропись (для этого достаточна и книга), а особое, къ нему обращенное и для него только существующее живое лицо. Старчество состоитъ въ максимальной индивидуализаціи духовнаго участія и въ минимальномъ его обобщеніи» (стр. 38 с.). Эта индивидуализація всѣхъ жизненныхъ отношеній предполагаетъ ту высшую степень духовности, которую имѣетъ въ виду христіанство, отличая царство *благодати* отъ царства *закона*, т. е. отъ царства отвлеченныхъ нормировокъ, подведенія подъ общіе правила. Чтобы имѣть право на совершенную индивидуализацію оцѣнокъ и вытекающихъ отсюда отношеній къ людямъ, нужно видѣть чужую индивидуальность во всей полнотѣ. Всѣ жизнеописанія великихъ подвижниковъ сообщаютъ факты, свидѣтельствующіе объ изумительной прозорливости ихъ. Трудно однако допустить, чтобы они обладали совершеннымъ видѣніемъ чужой индивидуальности, тѣхъ нѣдръ духа, о которыхъ пословица говоритъ «чужая душа — потемки». Въ самомъ дѣлѣ, всякій индивидуумъ представляетъ собою конкретное начало, единственное въ мірѣ и незамѣнимое никѣмъ другимъ: эта единственность и незамѣнимость есть не удаленность отъ міра, а, наоборотъ, совершенно своеобразное значеніе всякой индивидуальности *для всего міра*, (о томъ, что индивидуальное бытіе есть бытіе, определенное «конкретнымъ всеединствомъ во всей его цѣлостности», см. Франкъ «Предметъ знанія», стр. 415). Поэтому постиженіе чужой индивидуальности требуетъ Божественной полноты вѣденія, и только Богъ можетъ быть сердцевицею въ точномъ смыслѣ слова. Глубинную основу своей личности человѣкъ можетъ закрыть отъ другихъ лицъ

непроницаемымъ покровомъ (на это явленіе часто указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ М. Шелеръ). Поэтому прозорливость святыхъ подвижниковъ представляетъ собою трудную проблему. Для размышленій о ней св. Серафимъ Саровскій даетъ чрезвычайно цѣнныя указанія, слѣдующимъ образомъ описывая природу своего чудеснаго знанія. Когда одинъ изъ свидѣтелей его прозорливости сказалъ ему: «умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничего нескрыто въ сердцѣ ближняго, О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ: — Не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу и одинъ Богъ сердцевицею, *а приступитъ человекъ и сердце глубоко*». Въ отвѣтъ на еще большее недоумѣніе собесѣдника св. Серафимъ продолжалъ: «Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ, — въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки» (стр. 60).

Благодаря этому разъясненію св. Серафима становится понятнымъ то обстоятельство, что послѣ смерти его въ его кельи было найдено много нераспечатанныхъ писемъ, «по которымъ, однако же, даны были въ свое время изустные отвѣты» (стр. 55).

Замѣчательно, что интимная близость св. Серафима къ людямъ, проявляющаяся двусторонне — и въ постиженіи чужихъ нуждъ и въ утѣшающемъ, исцѣляющемъ душевно и тѣлесно приобщеніи къ чужой жизни, достигла высшей степени послѣ длительного (пятнадцатилѣтняго) затвора и тяжелыхъ аскетическихъ подвиговъ. — Въ жизни святыхъ это явленіе наблюдается часто, и потому отсюда невольно напрашивается выводъ, что аскетическіе подвиги могутъ служить однимъ изъ средствъ для измѣненія души и тѣла, снимающаго хотя бы отчасти разобщенность нашихъ я. Вѣдь нерѣдко и смерть близкихъ къ намъ любимыхъ людей, прерывая грубые, сравнительно внѣшніе способы общенія съ ними, даетъ взамѣнъ того сознаніе какой то новой, болѣе интимной, чѣмъ прежде, близости къ нимъ.

Аскетическіе подвиги вовсе не имѣютъ въ виду уничтоженія тѣлесной жизни. Чистая безтѣлесная духовность есть безжизненная абстракція, между тѣмъ христіанство и въ частности православіе есть религія жизни, дорожащая *конкретнымъ духовно-тѣлеснымъ бытіемъ*. Поэтому христіанство проникаетъ во всѣ проявленія жизни съ цѣлью поднять силу и богатство ея на высоту, недостижимую въ условіяхъ отрѣшеннаго отъ Бога земного бытія. Опытъ св. Серафима даетъ особенно богатый матеріалъ, выясняющій эту черту православной религіозности. Въ словахъ Иисуса Христа «въ дому Отца Моего обители многи суть», онъ видитъ указаніе на безконечное разнообразіе формъ совершенной жизни; онъ говоритъ, что Богъ удостоилъ его видѣть «неисповѣдимую красоту небесную» (125). Къ этой красотѣ, по молитвѣ его, пріобщился и исцѣленный имъ Н. А. Мотовиловъ, когда онъ спрашивалъ старца, какіе существуютъ несомнѣнные признаки того, пріобщились ли мы «полютѣ Духа Божія». Мотовиловъ даетъ изумительное описаніе того, что было пережито имъ и старцемъ, описаніе, прекрасно использованное въ книгѣ о. П. Флоренскаго «Столпъ и утвержденіе истины» для выясненія *мистическаго реализма*, характеризующаго православіе. Мотовиловъ пережилъ не только необычайную «тишину и миръ въ душѣ» своей, «исобыкновенную радость» въ своемъ сердцѣ, но еще и своеобразное чувственное содержаніе преображенной тѣлесности: необычайный свѣтъ, теплоту, сладость и аромат (104-124). Въ этихъ ученіяхъ и переживаніяхъ христіанства обнаруживается та жизненность его, которой нѣтъ, напр., въ буддизмѣ: идеаль христіанина есть не уничтоженіе мирового бытія, а умноженіе его въ преображеномъ видѣ путемъ искорененія всякой вражды и разъединенія, путемъ воспитанія въ себѣ совершенной любви къ Богу и всѣмъ существамъ.

Въ совсѣмъ иной міръ вступаемъ мы, касаясь души св. *Сергія Радонѣжскаго*, — въ міръ идеальныхъ, но преимущественно надчеловѣческихъ отношеній, предѣлъ совершенства которыхъ выражены въ христіанскомъ пониманіи Бога, какъ Троицтва. Русская религіозная философія удѣляетъ большое вниманіе идеѣ Троичности, видя въ ней не мертвый отвлеченный догматъ, но осуществленный живой идеаль совершеннаго единосущія и вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальнаго своеобразія лицъ на основѣ совершенной любви. Этотъ жи-

вой прообразъ долженъ служить путеводною звѣздой не только въ нашихъ личныхъ, но, можетъ быть, еще болѣе въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, поскольку мы взыскуемъ «Града Божія». Б. Зайцевъ говоритъ о Троичности, какъ о «глубочайше внутренне-уравновѣшенной идеѣ христіанства» (18). Повидимому, она наиболѣе соотвѣтствовала сокровеннѣйшимъ основамъ души преподобнаго Сергія. Въ своей обители онъ построилъ храмъ во имя Пресвятой Троицы, какъ образъ *единства въ любви*, дабы, взирая на этотъ образъ, люди побѣждали въ себѣ ненавистное раздѣленіе міра. Основанная имъ обитель стала не только обществомъ жившихъ въ ней иноковъ, она превратилась въ идеальный центръ всей русской общественности и государственности. Въ нашей исторіи она занимаетъ мѣсто, подобное значенію Дельфа въ исторіи Греціи. Интересною темою для историка и теоретика культуры было бы сравненіе вліянія этихъ двухъ религіозныхъ центровъ на общественную жизнь. Оно ярко обнаружило бы возвышенность христіанской культуры. Вспомнимъ, напр., что сказалъ св. Сергій великому князю Дмитрію, когда онъ пришелъ получить благословеніе на борьбу съ татарами: «Тебѣ, Господинъ, слѣдуетъ заботиться и крѣпко стоять за своихъ подданныхъ, и душу свою за нихъ положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа. Но прежде поиди къ нимъ съ правдою и покорностью, какъ слѣдуетъ по твоему положенію покоряться ордынскому царю. И Писаніе учитъ, что если такіе враги хотятъ отъ насъ чести и славы — дадимъ имъ; если хотятъ золота и серебра — дадимъ и это; но за имя Христово, за вѣру православную, подобаетъ душу положить и кровь пролить. И ты, Господинъ, отдай имъ честь и золото, и серебро, и Богъ не попуститъ имъ одолѣть насъ: Онъ вознесетъ тебя, видя твое смиреніе, и низложитъ ихъ непреклонную гордыню. — Князь отвѣчалъ, что уже пробовалъ и безуспѣшно. А теперь поздно. — Если такъ, сказалъ Сергій: его ждетъ гибель. А тебя помощь, милость, слава Господа» (стр. 72).

Во внутреннихъ отношеніяхъ удѣльныхъ русскихъ князей, напр. Олега Рязанскаго къ Москвѣ, св. Сергій побѣждаетъ законенѣлую многолѣтнюю вражду непосредственнымъ вліяніемъ своей личности, какъ живого воплощеніе любви и кротости.

Замѣчательно, что и въ управленіи мо-

пастыремъ въ санѣ игумена, св. Сергіи избѣгаетъ всякихъ внѣшнихъ пріемовъ воздѣйствія. Никакихъ признаковъ властвованія, покоренія чужой воли внѣшнею дисциплиною мы не найдемъ въ исторіи его жизни. Когда между нимъ и братіею возникли несогласія изъ за измѣненія устава монастыря, именно — введенія общежитія, онъ не воспользовался своею властью, онъ просто ушелъ изъ монастыря и возвратился только черезъ нѣсколько лѣтъ, по просьбѣ братіи и митрополита.

Это отвращеніе къ внѣшнему властвованію связано у св. Сергія съ чрезвычайною простотою въ образѣ жизни, одеждѣ и обращеніи съ людьми: по внѣшнему виду его никакъ нельзя было догадаться, что это игумень. И даже умирая онъ «завѣщалъ похоронить себя не въ церкви, а на общемъ кладбище, среди простыхъ». Нигдѣ и ни въ чемъ онъ не хотѣлъ играть роли пышнаго «князя церкви». Эта черта св. Сергія типична для русской общественности, которая не создала до сихъ поръ демократіи политической, но отлилась въ форму демократіи бытовой.

Простота св. Сергія всегда и вездѣ органически связана съ наличіемъ спокойной, неторопливой силы, и это опять таки характерная черта русскаго народа. «Чистотой, простотой, ароматнѣйшей стружкой (св. Сергіи любилъ плотничать) вѣетъ отъ Пре-

подобнаго. Сергіи благоуханнѣйшее дитя Сѣвера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствіе, гармонія негромкихъ словъ и святыхъ дѣлъ создали единственный образъ русскаго святителя. Сергіи глубочайше русскій, глубочайше православный. Въ немъ есть смолистость сѣвера Россіи, чистый, крѣпкій и здоровый ея типъ. Если считать — а это очень принято — что «русское» гримаса, истерія и юродство, «достоевщина», то Сергіи явное опроверженіе. Въ народѣ, якобы лишь призванномъ къ «ниспроверженіямъ» и разинской разгузданности, къ моральному кликушеству и эпилепсіи — Сергіи какъ разъ примѣръ — любимѣйшій самимъ народомъ — ясности, свѣта прозрачнаго и ровнаго» (стр. 92).

Будемъ всматриваться въ такіе образы, какъ ликъ св. Сергія и св. Серафима, будемъ носить ихъ въ своемъ сердцѣ, и если мы хотя въ малой степени уподобимся имъ въ нашихъ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, намъ суждено будетъ исцѣлить всѣ раны революціи и начать новую свѣтлую страницу русской исторіи.

Н. Лосскій.

Zbraslav (u Prahy), 76.
Tchecoslovaquie.